

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра общей социологии

С. Г. Саблина

СТАТУСНЫЕ РАССОГЛАСОВАНИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

Учебно-методическое пособие

Текст размещен на сайте НГУ
<http://www.ieie.nsc.ru/~meta-nsk/>
(страница кафедры социологии)

Новосибирск
2002

УДК 301 (075.8)
ББК 60.550.321я73

С 122 Саблина С. Г. Статусные рассогласования: Методология анализа и практика исследований. Новосибир. гос. ун-т / Новосибирск, 2002. 60 с.

ISBN 5-94356-054-8

Учебно-методическое пособие разработано для слушателей спецкурса «Концепция статусных рассогласований» – студентов, обучающихся на 4–5 курсах отделения «Социология» экономического факультета НГУ. Выступая продолжением и конкретизацией учебной дисциплины «Социальная стратификация», спецкурс предназначен для расширения представлений студентов-социологов о теориях и подходах, объясняющих социальное неравенство. Пособие представляет интерес для студентов, аспирантов, преподавателей, специализирующихся в области социологии и интересующихся данной проблематикой.

Пособие издано в рамках Программы поддержки кафедр Мегaproекта «Развитие образования в России» Института Открытое Общество (Фонд Сороса), грант № НВС 909.

Рецензент
профессор Московской высшей школы социальных
и экономических наук, действительный член РАН Т. И. Заславская

ISBN 5-94356-054-8

© Новосибирский государственный
университет, 2002
© С. Г. Саблина, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Концепция статусной неконсистентности (статусных рассогласований) развивается в западной социологии на протяжении более чем полувека как одно из приложений функционального анализа стратификации. Несмотря на многочисленные исследования, познавательная ситуация в данной области идентифицируется аналитиками как весьма неоднозначная и противоречивая.

В последние годы исследователи социальной структуры из восточно-европейских стран интенсивно используют объяснительный потенциал концепции. Интерес к проблеме статусных рассогласований предопределяется значительным увеличением ее масштаба в условиях трансформирующегося социума, а также усилением влияния на сознание и поведение людей. Несмотря на актуальность, данная тематика пока еще не находится в фокусе внимания отечественных исследователей.

Целью спецкурса «Концепция статусных рассогласований» является ознакомление студентов с проблемой статусной неконсистентности, разными версиями и традициями ее анализа, а также опытом зарубежных исследований в данной области. Особое внимание уделяется самостоятельной работе слушателей в рамках практикума по методам изучения статусных рассогласований и их эффектов. Работая с базами данных массовых опросов, студенты адаптируют к современному российскому контексту понятийный и аналитический инструментарий, разработанный в западной социологии.

В целом содержание учебно-методического пособия отражает тематику и логику преподавания дисциплины, которая читалась автором на протяжении нескольких лет на отделении «Социология» экономического факультета НГУ. Некоторые темы спецкурса, в частности, связанные с характеристикой состояния исследований проблемы статусной неконсистентности в России, предполагается более подробно и содержательно осветить в рамках другой публикации.

Автор признателен студентам – слушателям спецкурса, активная работа которых способствовала совершенствованию содержания текста пособия, а также выражает особую благодарность рецензенту,

профессору Московской высшей школы социальных и экономических наук, академику РАН Татьяне Ивановне Заславской.

ТЕМА 1. ВВЕДЕНИЕ. АКТУАЛЬНОСТЬ И СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СТАТУСНЫХ РАССОГЛАСОВАНИЙ В РОССИИ

Различные аспекты социальной стратификации современного российского общества активно изучаются отечественными исследователями. В качестве методологии анализа социального неравенства нередко используются западные концепции, адаптируемые к условиям трансформирующего социума. Среди них особый интерес представляет концепция статусной неконсистентности как одно из «ответвлений» теории социальной стратификации [1, с. 281], разрабатываемое за рубежом с середины 20-го века. Опыт западных исследований по данной проблематике свидетельствует о необходимости специального изучения феномена статусной неконсистентности, который вносит определенный вклад в формирование системы неравенств.

В последние годы наблюдается смещение акцента в развитии концепции, переключение внимания исследователей на анализ данного явления в посткоммунистических обществах, что предопределяется значительным увеличением масштаба статусных рассогласований в условиях нестабильной социальной среды и их существенным влиянием на сознание и поведение людей.

Феномен статусных рассогласований наблюдается в разных фрагментах системы неравенств. Как показывают результаты исследований восточно-европейских социологов, в период трансформации нарушается баланс между инвестициями и вознаграждением, который поддерживается рынком труда (в рыночных обществах) или системой централизованного планирования (в перераспределительных системах). Яркой иллюстрацией дисбаланса в современной России выступает положение научной интеллигенции, представители которой имеют высокий уровень образования и относительно низкий уровень доходов. Примером неконсистентности в другом фрагменте социального пространства может служить статусная ситуация индивида, который занимает позицию, связанную с большим объемом властных полномочий и значительным формальным

авторитетом, но не пользуется уважением окружающих за свои личные качества.

Практический интерес к изучению статусной рассогласованности в современной России связан с тем, что ее масштабность может порождать серьезные социальные проблемы или выступать катализатором обострения существующих противоречий. Зафиксированное в отечественных исследованиях падение престижа образования в обществе во многом предопределяется ослаблением связи его уровня с материальным достатком. Сведение к минимуму доверия людей к властям, ощущение несправедливости, массовое распространение социальной апатии заставляет обращать пристальное внимание на согласованность в социальной системе престижа и уважения. Влияние статусных рассогласований, возможно, проявляется в так называемых виражах электорального поведения. Идентификация неконсистентности в разных фрагментах системы неравенств позволяет лучше понять социальную организацию общества, объяснить многие социальные явления и процессы, найти решение насущных проблем.

Актуальность данной проблематики предопределяет интерес к концепции статусной неконсистентности. Терминологический комплекс, заимствованный из западной практики, все активнее используется отечественными социологами. Современное состояние российских исследований в данной области характеризуется множественностью трактовок и обозначений явления, известного в англоязычной литературе как «Status Inconsistency». Наблюдаемая в отечественных исследованиях плюралистичность во многом предопределяется разными вариантами перевода на русский язык данного термина, которые можно систематизировать следующим образом:

1) *статусная неконсистентность*. Обозначение используется в работах Т. И. Заславской в контексте изучения бизнес-слоя российского общества, для многих представителей которого зафиксирована неконсистентность статусов [2]. В исследовании Л. А. Хахулиной консистентность статусных и мировоззренческих характеристик представителей средних слоев рассматривается как условие формирования полноценного среднего класса в России [3];

2) *статусные несоответствия*. Понятие используется в работе Л. Г. Зубовой и Н. В. Ковалевой, в которой идентифицирована ситуация статусных несоответствий между образованием и доходом в группе обеспеченных респондентов [4];

3) *статусная противоречивость*. Термин используется в работе В. Ф. Анурина, анализирующего экономическую стратификацию [5], а также в исследовании Л. Гордона, А. Терехина и Е. Будиловой при многомерном описании материально-экономической дифференциации населения России [6];

4) *статусная рассогласованность*. Понятие активно используется представителями Новосибирской экономико-социологической школы. Впервые было употреблено в 70-е годы прошлого столетия группой исследователей образа жизни сельского населения под руководством Р. В. Рывкиной. В данном варианте оно трактовалось как степень согласованности уровня развития разных его компонентов [7].

Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации становится предметом исследований в 80–90-е годы 20-го века в контексте изучения системы материальных неравенств. Данный термин использовался для обозначения ситуации несоответствия разных компонентов статуса материального благосостояния семьи (доходов, жилищных условий, имущественной обеспеченности). Такая трактовка представлена в исследованиях В. А. Лисова и А. Н. Шапошниковой [8], Л. А. Хахулиной и Т. Ю. Богомоловой [9], Т. Ю. Богомоловой и В. С. Тапилиной [10], О. Э. Бессоновой и С. Г. Крапчан [11].

В целом отечественная литература отражает познавательную ситуацию в данной области, характеризующуюся неопределенностью используемой терминологии, во многом заимствованной из западной практики. Множественность обозначений базового понятия выступает яркой иллюстрацией современного состояния исследований. Проблема статусной неконсистентности пока еще не находится в фокусе внимания отечественных социологов, о чем свидетельствует отсутствие упоминания о ней в первых российских монографических изданиях по социальной стратификации, имеющих статус учебных пособий и систематизирующих западный опыт [12, 13].

Как показывает практика восточно-европейских исследований, концепция статусной неконсистентности выступает плодотворной

методологией анализа социальной стратификации в трансформирующемся социуме и формирует новый взгляд на актуальные проблемы действительности.

Литература

1. Muller H.-P. Life Chances and Life Styles: Towards a Reformulation of the Theory of Status Inconsistency? // Status Inconsistency in Modern Societies / Ed. by H. Strasser, R. Hodge. Duisburg: Verlag der Sozialwissenschaftlichen Kooperative. 1986. P. 275–290.
2. Заславская Т. И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Общественные науки и современность. 1995. № 1.
3. Хахулина Л. А. Субъективный средний класс: Доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2.
4. Зубова Л. Г., Ковалева Н. В. Обеспеченные (основные характеристики группы) // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1994. № 6.
5. Анурин В. Ф. Экономическая стратификация: аттитюды и стереотипы сознания // Социологические исследования. 1995. № 1.
6. Гордон Л., Терехин А., Будилова Е. Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1998. № 1, 2.
7. Рывкина Р. В., Герчиков В. И., Новокшанов Ю. В., Суховский М. Л., Тапилина В. С. Опыт изучения сельского образа жизни на основе его типологии // Применение факторного и классификационного анализа для типологизации социальных явлений. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР. 1976. С. 69–117.
8. Лисов В. А., Шапошников А. Н. Методика и результаты построения типологии семей по уровню материального благосостояния сельского населения // Известия СО АН СССР. Серия экон. и прикл. социологии. 1988. № 8.
9. Хахулина Л. А., Богомолова Т. Ю. Обобщающая типология семей по материальному благосостоянию // Благосостояние городского населения Сибири: Проблемы дифференциации / Под ред. Ф. Бородкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 133–162.
10. Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С., Михеева А. Р. Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1992.
11. Бессонова О. Э., Крапчан С. Г. Участие населения в приватизации жилья // Социологические исследования. 1994, № 8–9.

12. Ильин В. И. Социальная стратификация. Сыктывкар, 1991.
13. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.

ТЕМА 2. КОНЦЕПЦИЯ СТАТУСНЫХ РАССОГЛАСОВАНИЙ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ИХ РАЗВИТИЕ В РАБОТАХ АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В 50–70-е гг. 20-го века

2.1. Теоретические истоки, основные положения, методологические предпосылки анализа

Статусная неконсистентность стала активно обсуждаться в американской социологии с середины 20-го столетия. Обращение к этой проблематике было обусловлено распространением в стратификационных исследованиях многомерного подхода как наиболее адекватного инструмента анализа системы неравенств современных обществ.

Дискуссия относительно статусных несоответствий не могла возникнуть в рамках одномерного подхода, так как его идеология отрицает возможность несовпадения позиций субъекта в разных фрагментах социальной структуры. Яркой иллюстрацией является теория классов К. Маркса, в которой нашел отражение экономический детерминизм автора. Согласно представлениям К. Маркса, положение субъекта в системе неравенств обусловлено его позицией в структуре производственных отношений [1, с. 59]. Статус в экономической стратификации выступает основным, первичным в том смысле, что он предопределяет положение в других фрагментах социального пространства. Так, в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» показано влияние системы экономических отношений на политическую структуру французского общества [2].

Теоретическими истоками концепции статусной неконсистентности считаются работы основоположников многомерного подхода – П. Сорокина и М. Вебера. Данная призма анализа, опирающаяся на представления об относительной независимости основных измерений социальной стратификации, предполагала возможность несовпадения позиций субъекта в разных

фрагментах системы неравенств. Эта идея объединяет взгляды основоположников, несмотря на существующие различия в идентификации системы стратификационных измерений.

П. Сорокин в работе «Социальная и культурная мобильность» фактически описал проблему статусной неконсистентности. Выделив три формы социальной стратификации (экономическую, политическую и профессиональную), он подчеркнул возможность несовпадения позиций индивида в данных фрагментах социального пространства: «самые богатые далеко не всегда находятся у вершины политической или профессиональной пирамиды, также и не во всех случаях бедняки занимают самые низкие места в политической и профессиональной иерархии» [3, с. 303].

В работе «Система социологии» П. Сорокин четко идентифицирует феномен статусной неконсистентности при описании дифференциации населения на «нормальные и ненормальные кумулятивные социальные группы»: представители первой занимали примерно одинаковые позиции в иерархиях богатства и власти, у членов второй эти позиции существенно отличались друг от друга [4, с. 312].

М. Вебер в работе «Класс, статус и партия», опубликованной в начале 20-х годов прошлого столетия, подчеркивал «два главных аспекта многомерного подхода: а) что существует несколько измерений стратификации, которые следует теоретически различать; б) что положение отдельного лица в одном измерении не обязательно совпадает с его положением в другом измерении, часто здесь возникает расхождение» [5, с. 48].

Выделив три измерения стратификации (экономический, социальный и политический порядки), М. Вебер описал ситуации несовпадения положения субъекта в данных фрагментах: «статусное уважение – престиж не связано с классовой ситуацией... И собственники, и неимущие могут принадлежать к одной и той же статусной группе» [6, с. 28], «не всякая власть включает социальную репутацию: типичный американский босс точно так же, как и типичный крупный спекулянт, постепенно лишаются своей социальной репутации [там же, с. 20].

Распространение многомерного подхода как методологии анализа привело к фиксации явления статусной неконсистентности в различных фрагментах социального пространства, что подтверждало

идеи, высказанные теоретиками. Своеобразную почву для возникновения концепции подготовили эмпирические работы американских исследователей, проведенные в первой половине 20-го столетия. Так, У. Л. Уорнер, проводя анализ классовой структуры американской общины в 30–40-е годы, обнаружил несовпадение положения индивидов в профессиональной иерархии и шкале по престижу [7].

Толчком для развития концепции статусных рассогласований послужила статья американского исследователя Г. Ленского «Статусная кристаллизация: невертикальное измерение социального статуса», опубликованная в 1954 году.

Г. Ленский считается родоначальником данной концепции, так как он первым ввел в научный оборот понятие «status inconsistency». Точнее, в своей первой работе автор использовал обозначение «статусная кристаллизация», вошедшее затем в социологические словари, в качестве синонима термина «статусная неконсистентность» [8, с. 405]. Последнее получило наибольшее распространение в англоязычной литературе, реже в зарубежных исследованиях используются другие термины («status incongruence» [9], «status discrepancy» [10] и т. п.).

Опираясь на одну из трактовок понятия статус, рассматривающую его в качестве ранга социальной позиции субъекта, Г. Ленский идентифицировал статусную неконсистентность как ситуацию неравенства или несовпадения положения индивида в значимых измерениях стратификации. Согласно представлениям автора, высокая степень кристаллизации имела место в случае согласованности статусов индивида в различных иерархиях, низкая степень кристаллизации – в ситуации существенных различий его позиций.

В более широком контексте под статусной неконсистентностью понимаются существенные относительные различия положения субъекта (индивида, группы) в разных фрагментах социальной структуры [11]. Данное определение не противоречит разным традициям анализа этого феномена, которые получили развитие в западных исследованиях.

Основу концепции составляет утверждение Г. Ленского, согласно которому степень кристаллизации социального статуса индивида может выступать фактором, определяющим его поведение и

установки. Первоначально интерес автора был связан с объяснением дифференциации политических предпочтений и электорального поведения людей.

Традиционные методы стратификационного анализа, используемые американскими исследователями в середине 20-го столетия (представление социального статуса как одномерного либо сведение разных статусных измерений к одной вертикальной шкале), исчерпали свой объяснительный потенциал и не давали убедительного объяснения дифференциации поведения в данной области. Г. Ленский предложил ввести в анализ новую характеристику, которая должна была улучшить предсказания.

В эмпирических исследованиях родоначальника концепции фактически реализована идея К. Дэвиса, одного из основоположников функционального анализа стратификации. Он утверждал, что «социальная структура, будучи, без сомнения, реальностью, тем не менее не является чем-то конкретным, т. е. не существует как таковая, а представляет собою просто фактор в конкретном поведении» [12, с. 138]. Концепция статусных рассогласований, особенно на первых этапах развития, выступала одним из приложений функционального анализа, однако в дальнейшем исследования по данной проблематике приобрели социально-психологическую направленность.

Развитие концепции на протяжении более чем полувека свидетельствует о наличии различных этапов ее жизненного цикла. В одни периоды интерес к этой теме был весьма высок, в другие – более чем умеренный, однако эта проблема в социологии всегда имела своего исследователя. Отсутствие поступательного развития концепции стимулировало появление обобщающих аналитических работ, которые продемонстрировали разработанность как теоретико-методологических, так и прикладных аспектов проблемы статусной неконсистентности. В зарубежной социологии с разной степенью интенсивности изучались причины возникновения, формы проявления и эффекты статусных рассогласований, разработаны методики идентификации данного явления и способы изучения его влияния на сознание и поведение людей. Несмотря на многочисленные исследования в данной области, на распространенность использования в западной практике терминологического комплекса концепции, в распоряжении

социологов не оказалось «надежного» инструмента познания этого феномена.

Наблюдаемая в зарубежных исследованиях множественность интерпретаций базового понятия – статусной неконсистентности – привела к пессимистическим оценкам перспектив развития концепции и ее объяснительного потенциала. По мнению некоторых аналитиков, неоднозначность смысла во многом обусловлена отсутствием четкой идентификации методологических предпосылок исследования статусных рассогласований. Так, М. Хартман считал целесообразным обозначить ряд основных допущений, необходимых для получения достоверных результатов анализа:

1) в любой системе существует как минимум два измерения социальной стратификации, т. е. предполагается ее многомерность;

2) выбранные измерения должны быть значимыми в данной социальной системе, т. е. реально дифференцировать субъектов в иерархическом ранге. Существует два способа идентификации социально значимых иерархий: дедуктивный способ, использующий логику познания от теоретических представлений к эмпирическим индикаторам, и индуктивный, основанный на логике генерализации: от эмпирических показателей к обобщающим, теоретическим категориям. Вероятно, их комбинация дает наиболее достоверный результат;

3) необходимо наличие одинаковых способов ранжирования принятых измерений стратификации. Понятие неконсистентности предполагает сравнение рангов в разных иерархиях, поэтому оси должны быть сопоставимыми.

Согласно представлениям Т. Парсонса, стратификация выступает одним из аспектов социальной системы. Интегрированность последней делает возможным существование одинаковых способов оценивания социально значимых статусов [13];

4) оцениваемые измерения статуса по природе своей должны быть однотипными – имеющими одинаковый уровень общности и значимости. Как подчеркивал Т. Парсонс, в социальной системе измерениям придается разное значение (например, наиболее значимы в американском обществе принадлежность к родственной ячейке и достижения в профессиональной сфере) [13, с. 124]. Кроме того, необходимо сопоставлять категории одинакового уровня абстракции, например, общий экономический статус и доход как

одна из его составляющих репрезентируют разные уровни общности;

5) корректность сравнения нескольких осей предполагает принятие некоего общего знаменателя, который делает технически возможным сопоставление разных позиций. Конструируемые шкалы должны быть соизмеримыми (ранговыми, метрическими и др.).

Противоречивость результатов эмпирических исследований статусной неконсистентности во многом предопределяется непоследовательностью авторов в отношении основных методологических предпосылок анализа [14].

Несмотря на разные оценки перспектив развития концепции, уникальная социальная ситуация, сложившаяся к концу 20-го столетия в посткоммунистических обществах, стимулировала развитие исследований в данной области. В настоящее время интерес к этой проблематике проявляют социологи из восточно-европейских стран. Хотелось бы надеяться, что рано или поздно эта концепция найдет свое отражение в российских исследованиях стратификации, которые внесут позитивный вклад в ее развитие на современном этапе.

Литература

1. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Наука. 1995.
2. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное изд-во политической лит-ры, 1957. Т. 8.
3. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество / Под ред. А. Ю. Согомонова: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 297–424.
4. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993.
5. Гордон М. М. Социальный класс в американской социологии // Социальная стратификация: Сб. статей. Вып. 3. М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.
6. Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация: Сб. статей. Вып. 1. М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН. 1992.
7. Уорнер Л. Социальный класс и социальная структура // Рубеж. 1997. № 10–11.

8. Lenski G. Status Crystallization: A Non-Vertical Dimension of Social Status // American Sociological Review. 1954. Vol. 19.
9. Malewski A. The Degree of Status Incongruence and its Effects // Polish Sociological Bulletin. 1963. № 1.
10. Treiman D. J. Status Discrepancy and Prejudice // American Journal of Sociology. 1965–66. Vol. 71.
11. Саблина С. Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социологический журнал. 2000. № 1–2.
12. Дэвис К. Концептуальный анализ стратификации // Социальная стратификация: Сб. статей. Вып. 1. М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.
13. Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // Социальная стратификация: Сб. статей. Вып. 1. М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.
14. Hartman M. On the Definition of Status Inconsistency // American Journal of Sociology. 1974. Vol. 80.

2.2. Представления Г. Ленского о статусной неконсистентности

Статья Г. Ленского, опубликованная в 1954 году [1], открыла новое направление в исследованиях социальной стратификации. В названии работы присутствует образное выражение: «невертикальное измерение социального статуса». Строго говоря, статусные несоответствия не являются элементом стратификационной системы измерений, они связаны с соотношениями между ранжированными статусами. Образность используется автором для акцентирования внимания на значимости вклада новой характеристики в формирование системы неравенств современных обществ.

Основная гипотеза исследования Г. Ленского сформулирована следующим образом: индивиды, которые характеризуются низкой степенью статусной кристаллизации, значительно отличаются по своим политическим взглядам и поведению от индивидов с высокой степенью статусной кристаллизации [2, с. 60]. Информационной базой для проверки гипотезы послужили данные социологических обследований населения округа Детройт в связи с выборами президента США в 1948 и 1952 гг., а также выборами губернатора штата Мичиган в 1950 г.

Автор предложил рассматривать четыре значимых измерения социального статуса, связанных с системой ценностей американского общества: *величина дохода, профессия, образование и этническая принадлежность*. Для каждой характеристики конструировалась ранговая шкала, так что каждой единице наблюдения ставилось в соответствие четыре ранга, отражающие позиции респондента в указанной системе стратификационных измерений (X1 – уровень дохода, X2 – престиж профессии, X3 – уровень образования, X4 – статус этнической группы).

Измерителем статусной неконсистентности выступал показатель, рассчитанный по следующей формуле:

$$100 - \sqrt{\sum_{i=1}^4 (X_i - \bar{X})^2},$$

где \bar{X} – среднее арифметическое значение рангов.

Степень кристаллизации общего статуса индивида определялась путем вычитания из ста величины, равной корню квадратному из суммы квадратов отклонений ранга индивида по каждой из шкал от среднего арифметического рангов индивида по совокупности анализируемых измерений социального статуса. Чем выше полученное значение, тем больше согласованность статусов индивида и выше степень статусной кристаллизации.

Содержательно измеритель фиксировал степень отклонения имеющегося у индивида набора статусных характеристик от консистентной ситуации, при которой все ранги принимают одинаковые значения.

Диапазон значений показателя представлял собой интервал от 0 до 100. В данном ряду распределения Г. Ленский обнаружил единственную «точку разрыва», которая послужила границей между консистентными и неконсистентными индивидами. Субъекты, попавшие в диапазон [0, 52], имели низкую степень статусной кристаллизации и составляли одну четверть совокупности опрошенных. Индивиды, которым соответствовали значения из интервала [53, 100], характеризовались высокой степенью кристаллизации.

Сравнивая политические взгляды и поведение людей с согласованными и рассогласованными характеристиками, Г.

Ленский обнаружил, что индивиды с низкой степенью статусной кристаллизации в большей степени склонны поддерживать на выборах кандидатов Демократической партии, находившейся в то время в оппозиции. Они чаще высказывались в пользу государственных программ страхования, контроля над ценами и, в целом, за расширение влияния государства.

Это дало основание для утверждения, что общество, в котором высока доля лиц с низкой статусной кристаллизацией, нестабильно [1, с. 412]. Такие люди не удовлетворены существующим социальным порядком и склонны поддерживать любые его изменения.

Статья Г. Ленского вызвала неоднозначную реакцию в американской социологии. Идеи автора имели как своих сторонников, так и противников. Вне всякого сомнения, с середины 50-х до 70-х гг. 20-го века наблюдается всплеск интереса к данной проблематике. Большинство эмпирических исследований повторяло замысел первой работы основоположника концепции, часто воспроизводилась его методика в части способа измерения статусной неконсистентности.

Литература

1. Lenski G. Status Crystallization: A Non-Vertical Dimension of Social Status // American Sociological Review. 1954. Vol. 19.
2. Богомолова Т., Саблина С. Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: Презентация классической концепции // Рубеж. 1997. № 10–11.

2.3. Развитие идей Г. Ленского в работах американских исследователей в 50–70-е гг.

Американские социологи внесли существенный вклад в развитие концепции на первых этапах ее жизненного цикла. По оценкам У. Вугенига, к началу 80-х гг. доля американских исследований составляла не менее половины общей совокупности публикаций по данной проблематике [1, с. 28]. Некоторые работы американских исследователей считаются важными вехами в развитии концепции,

предопределившими приоритетные направления анализа статусной неконсистентности во второй половине 20-го столетия.

Одна из первых реакций на статью Г. Ленского была опубликована в 1956 году в журнале «American Sociological Review» [2]. Ее автор – У. Кенкел – подверг критике утверждение основоположника концепции о склонности индивидов с рассогласованными статусами поддерживать политическую оппозицию. Основой для опровержения послужило собственное эмпирическое исследование, информационной базой которого стали данные опроса населения одного из городов штата Огайо (1952 г., объем выборки N = 300 человек).

Кенкел проанализировал четыре измерения социального статуса, которые частично пересекались с набором статусов Г. Ленского: *профессия, образование, жилищные условия и престиж района проживания*. Автор предполагал, что если статусная рассогласованность влияет на политические установки и поведение людей, то это будет проявляться на любых комбинациях статусных характеристик. На этом этапе исследования Кенкел допустил серьезную методологическую ошибку, на которую указал основоположник концепции в процессе развернувшейся полемики. Эффекты статусной неконсистентности могут ожидать только на комбинациях социально значимых статусов. Кроме того, два последних параметра – жилищные условия и престиж района проживания – оказались тесно связанными, поэтому не удалось обнаружить существенных несоответствий между ними.

Пытаясь воспроизвести методические процедуры Ленского, Кенкел допустил ряд неточностей. Одна из них возникла в процессе разделения совокупности людей на группы с разной степенью статусной кристаллизации. Автор не обнаружил естественных «точек разрыва» в ряду распределения значений и разделил массив пополам. Сравнивая установки и поведение индивидов из этих групп, автор не зафиксировал статистически значимых различий. На основе полученных результатов Кенкел утверждал, что гипотеза Ленского не всегда корректна.

Дискуссия между двумя исследователями, которая нашла отражение в американских социологических журналах, имела позитивное значение в контексте развития концепции. В процессе полемики ее основоположнику удалось сформулировать более

перспективное направление исследований в данной области. Измеритель статусной неконсистентности, используемый и Ленским, и Кенкелом, нивелировал типы статусных комбинаций и требовал дополнительных процедур для их идентификации. Дальнейшее развитие концепции происходило в русле анализа влияния не только степени, но и типов статусных несоответствий на сознание и поведение субъектов.

В 1967 г. появилась статья Г. Ленского «Статусная неконсистентность и голосование: четыре национальных проверки», в которой нашел отражение новый аспект анализа проблемы [3]. Автором был проведен вторичный анализ данных о поведении электората в США, Великобритании, Австралии и Канаде за период с 1943 по 1962 гг. В исследовании верифицировалась гипотеза о влиянии на политические предпочтения рассогласований между аскриптивным и достигнутым статусами.

Интерес к неконсистентности такого профиля предопределялся особенностями стратификационной системы рыночного общества, порождающей возможность данной статусной ситуации. Люди с низко оцениваемыми аскриптивными статусами, осуществляя восходящую мобильность, могут занять относительно высокое положение в социальных иерархиях, основанных на личных достижениях. Следствия несоответствий – более сильные эффекты, чем в случае рассогласований между достигнутыми статусами (доход и профессия) или приписанными (этническая и религиозная принадлежность) внутри себя [4, с. 60, 61].

Измерителем аскриптивного статуса выступала религиозная принадлежность индивида, достигнутого статуса – престиж профессии. Ленский рассматривал влияние конкретной комбинации – сочетания низкого религиозного и относительно высокого профессионального статуса – на склонность респондентов к политическому либерализму, которое имело определенное обоснование. Люди с рассогласованными статусами в процессе самоидентификации, как правило, ориентируются на свои наивысшие ранги, в то время как социальное окружение может идентифицировать их на основе низко оцененных позиций. Такие несоответствия могут привести к напряжению во взаимодействиях, в основе которого лежит конфликт между ожиданиями и действительностью. Одной из реакций на неудовлетворенность

может стать неприятие существующего социального порядка, что выражается в поддержке оппозиционных политических партий. В 21 из 25 национальных исследований гипотеза о наличии эффектов не была опровергнута.

Американская научная общественность неоднозначно восприняла новую призму анализа статусных рассогласований. Критики обращали пристальное внимание на методические процедуры, предложенные Ленским для анализа эффектов, которые ставили под сомнение достоверность результатов. Используемый метод «сравнения сумм» оказался ненадежным инструментом для изучения влияния неконсистентности на сознание и поведение людей, так как не позволял отделить ее «чистый эффект» от воздействия статусных переменных. Обнаруженная Ленским склонность к политическому либерализму могла быть вызвана низко оцененной этнической принадлежностью либо высоко оцененным престижем профессии, а не их сочетанием.

Американский исследователь Д. Сегал продемонстрировал, что важным условием влияния данной статусной ситуации на политические установки и поведение людей выступает значимость статуса этнической принадлежности, которая имеет место не во всех стратификационных системах [5].

Д. Трейман, проведя дополнительный анализ факторов в исследовании Ленского, пришел к выводу, что тенденция к политическому либерализму значима только в тех случаях, когда неконсистентные индивиды имеют низко оцененный этнический статус. Обнаруженные Ленским эффекты в большей степени объяснялись рангом одной из статусных характеристик, а не их несоответствиями [6].

Важной вехой в развитии концепции считается исследование американских социологов Д. Келли и У. Чемблиша, результаты которого были опубликованы в 1966 г. [7]. Его информационной базой послужили данные почтового опроса работающих мужчин г. Сиэттла (N = 246, возврат анкет 49 %).

Авторы рассматривали три статусные характеристики индивида (*доход, образование, престиж профессии*), которые анализировались попарно на предмет наличия несоответствий. Измерителем статусной неконсистентности выступал показатель

разницы рангов: ее знак идентифицировал направление рассогласований, величина указывала на степень.

Келли и Чемблиш впервые попытались четко операционализировать понятие «либерализм», активно используемое их предшественниками. Авторы обратили внимание на принципиальные различия между экономическими и политическими либеральными взглядами. Использование различных измерений либерализма приводило исследователей к разным результатам, поскольку один и тот же человек мог быть либералом по экономическим (степень контроля государства за ценами, вмешательство государства в экономику и т. п.) и консерватором по политическим (проблемы гражданских прав, свобод и др.) вопросам.

В своем исследовании Келли и Чемблиш впервые обратили внимание на проблему субъективных статусных рассогласований и попытались измерить этот аспект. При изучении эффектов восприятие людьми своей статусной ситуации может выступить решающим фактором: «возможно, неконсистентность влияет на политические установки только в той степени, в которой она ощущается индивидом» [7, с. 376].

Авторы, верифицируя основное утверждение Ленского, не обнаружили влияние статусной неконсистентности на проявление либерализма. Детерминантами либеральных взглядов выступали в большей степени ранги статусных характеристик, а не рассогласования между ними. Чем выше ранг социальной позиции, тем более либеральные взгляды демонстрировал индивид по проблемам гражданских прав и свобод, но более консервативные по экономическим вопросам.

Дальнейшее развитие концепции в американской социологии происходило в направлении расширения спектра измерителей эффектов статусной неконсистентности. Если первоначально внимание концентрировалось на предсказании политических предпочтений, то в последующем появился интерес к анализу других аспектов сознания и поведения людей. Так, Д. Трейман, изучая влияние рассогласований между доходом и образованием на проявление предрассудков по отношению к неграм в США, не обнаружил статистически значимых связей на основе использования регрессионного анализа [6]. Э. Джексон проанализировал влияние статусной неконсистентности на проявление психического стресса.

Наивысший уровень психосоматических симптомов он зафиксировал у индивидов, имеющих сочетание высокого приписанного и низкого достигнутого статусов [8].

Гипотезы и утверждения, высказанные основоположником концепции Г. Ленским, многократно проверялись на разного рода выборках, в отношении различных измерений социального статуса. Проведенные эмпирические исследования продемонстрировали противоречивость результатов: одни авторы подтверждали наличие эффектов, другие отрицали.

В 1972 г. появилась статья Э. Джэксона и Р. Кетиса, представляющая собой попытку систематизации результатов американских исследований на первом этапе развития концепции, а также объяснения неоднозначности выводов [9]. Авторы обнаружили существенные различия в методологии и методике проведенных исследований, которые заключались в следующем:

- во-первых, гипотезы проверялись на разного рода выборках. Большинство исследований, в которых обнаруживались эффекты неконсистентности, проводилось на выборках, включающих в качестве респондентов и мужчин, и женщин. Многие работы, выборка которых ограничивалась респондентами-мужчинами, не имели доказательств в пользу существования таких последствий;

- во-вторых, авторы использовали разные методические процедуры для изучения эффектов, которые можно разделить на две группы: метод «сравнения сумм» Ленского, а также его модификации, и регрессионный анализ. Практически все исследования, использующие первый способ, не опровергали наличие эффектов. Регрессионный подход обычно приводил к их отрицанию;

- в-третьих, в исследованиях использовался широкий спектр индикаторов эффектов. Нет оснований считать, что неконсистентность влияет на любой аспект сознания и поведения людей, поэтому результаты были обусловлены выбором конкретной зависимой переменной [9, с. 711, 712].

Вне всякого сомнения, американские исследователи внесли существенный вклад в развитие концепции на этапе ее становления. Не случайно США называют родиной этого направления теории социальной стратификации. Доля публикаций американских социологов в общей совокупности работ по данной проблематике

выглядит весьма существенной. В их трудах нашли отражение все принципиально важные аспекты методологии и методики анализа статусной неконсистентности.

В первые годы существования концепции активно развивались представления об измерителях независимых и зависимых переменных, в результате чего был определен возможный их спектр. Именно в работах американских исследователей получили свое первое описание все версии анализа статусных рассогласований (объективная, субъективная и нормативная). Кроме того, проблема отделения «чистого эффекта» неконсистентности от влияния статусных переменных была идентифицирована как важнейшая методическая задача. Фактически работы американских социологов предопределили направления развития концепции на ближайшие десятилетия.

Литература

1. Wuggenig U. A Dving Theory? A Critical Assessment of Some Aspects of Status Inconsistency Research // Status Inconsistency in Modern Societies / Ed. by H. Strasser, R. Hodgee. Duisburg: Verlag der Sozialwissenschaftlichen Kooperative, 1986.
2. Kenkel W. F. Relationship Between Status Consistency and Politico-Economic Attitudes // American Sociological Review. 1956. Vol. 21.
3. Lenski G. Status Inconsistency and the Vote: a Four National Test // American Sociological Review. 1967. Vol. 32.
4. Богомолова Т., Саблина С. Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: Презентация классической концепции // Рубеж. 1997. № 10–11.
5. Segal D. R. Status Inconsistency, Cross Pressure and American Political Behavior // American Sociological Review. 1969. Vol. 34.
6. Treiman D. J. Status Discrepancy and Prejudice // American Journal of Sociology. 1965–66. Vol. 71.
7. Kelly K. D., Chambliss W. J. Status Consistency and Political Attitudes // American Sociological Review. 1966. Vol. 31.
8. Jackson E. F. Status Consistency and Symptoms of Stress // American Sociological Review. 1962. Vol. 27.
9. Jackson E. F., Curtis R. F. Effects of Vertical Mobility and Status Inconsistency: a Body of Negative Evidence // American Sociological Review. 1972. Vol. 37.

ТЕМА 3. ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ СТАТУСНОЙ НЕКОНСИСТЕНТНОСТИ

3.1. Жизненный цикл концепции и идентификация основных направлений

Статья Г. Ленского (1954), вызвав всплеск интереса к исследованиям по данной проблематике, выступила точкой отсчета для развития концепции статусной неконсистентности. Первые десятилетия ее существования продемонстрировали сложность, неоднозначность и противоречивость процесса познания этого явления социальной действительности.

На определенном этапе развития исследований в данной области возникла потребность в осмыслении направлений движения научной мысли, идентификации его этапов и объяснении сложившихся противоречий. Одна из наиболее серьезных работ по систематизации была проделана немецким исследователем У. Вугенигом. Автор выступил с презентацией полученных результатов на международной конференции «Статусная неконсистентность в современных обществах», проходившей в Германии в 1985 году. Доклад автора был опубликован в сборнике материалов конференции [1].

По утверждению Вугенига, толчком для его исследования послужило большое количество критических работ, опубликованных в 70-е гг., авторы которых весьма пессимистично оценивали перспективы развития концепции. Так, П. Кросби (1979) на основе анализа определенной совокупности исследований предложил отказаться от дальнейшего развития этого направления, считая его неплодотворным [2, с. 123]. Годом раньше Ж. Блокер и П. Райдсел (1978) сделали аналогичный вывод, назвав концепцию «умирающей» вследствие ее неясного будущего [3].

Фактически работа Вугенига имела своей целью опровержение пессимистических прогнозов на основе всестороннего изучения жизненного цикла концепции. Автор систематизировал исследования, проведенные за период с 1954 по 1983 год. Тщательному анализу были подвергнуты 118 работ, которые удовлетворяли трем критериям отбора:

– опубликованность материала (из рассмотрения исключались неопубликованные труды);

– наличие эмпирического материала для проверки гипотез;

– формулировка гипотез, в которых нашло отражение основное утверждение концепции, либо интерпретация полученных результатов в контексте одной из версий анализа данного явления.

В работе Вугенигом обоснована типология периодов исследования статусной неконсистентности, которая отражала этапы жизненного цикла концепции. Типология конструировалась на основе многомерной классификации 118 работ с использованием следующих параметров в качестве оснований:

– темпы роста публикаций в год;

– преобладающая техника анализа данных:

1) анализ таблиц сопряженности (метод «сравнения сумм» и его модификации),

2) регрессионный анализ;

– преобладающая оценка полученных результатов с точки зрения выдвинутых гипотез (негативная, нейтральная и позитивная).

На основе многомерной классификации работ, которая учитывала указанные параметры, было выделено четыре периода в исследованиях статусной неконсистентности (см. табл. 1 [1, с. 27]).

Таблица 1

Типология периодов исследования статусной неконсистентности

Период	Годы	Темпы роста публикаций в год	Преобладающая техника анализа данных	Преобладающая оценка полученных результатов
1	1954–1964	Низкие	Анализ таблиц	Необычайно позитивная
2	1965–1969	Высокие	Анализ таблиц	Позитивная
3	1970–1975	Высокие	Регрессионный анализ + анализ таблиц (1:1)	Негативная
4	1976–1983	Средние	Регрессионный анализ + анализ таблиц (2:1)	Позитивная

Как видно из таблицы 1, первый этап исследований характеризовался низкими темпами роста публикаций по этой тематике, использованием в анализе данных только таблиц сопряженности и необычайно высокой долей авторов, позитивно оценивающих результаты своих работ в контексте основного утверждения концепции.

Для второго этапа свойственны высокие темпы роста публикаций в год и преобладающая позитивная оценка результатов на основе анализа таблиц сопряженности. В этот период появилось немало исследований, в которых опровергались гипотезы о наличии эффектов статусной неконсистентности.

Третий этап выделен на основе высоких темпов роста публикаций по данной проблематике, примерно равной доли использования в технике анализа таблиц сопряженности и регрессионных моделей. В эти годы резко снизилась позитивность оценки полученных исследователями результатов. Для данного периода характерны самые низкие темпы роста *американских* исследований, которые в целом за анализируемый промежуток времени составили 64 % от общего объема публикаций.

Для четвертого этапа свойственны средние темпы роста публикаций, значительное преобладание в технике анализа регрессионных моделей, высокая доля позитивных оценок, как на первой и второй стадиях. Эффекты статусной неконсистентности фиксировались на основе использования сложных процедур, что опровергало предположение Э. Джэксона и Р. Кетиса, высказанное в результате систематизации американских исследований [4, с. 711, 712]. Авторы считали, что по мере распространения регрессионного анализа в работах по данной проблематике гипотезы о существовании эффектов будут опровергаться чаще.

В рамках четвертого этапа сложилась несколько парадоксальная ситуация, поскольку теория оценивалась более позитивно на фоне значительного уменьшения числа публикаций по этой тематике.

Периодом бурного всплеска интереса к концепции статусной неконсистентности можно считать 50–60-е годы 20-го столетия. Вугениг продемонстрировал, что на этой стадии были сформулированы основные теоретические и методологические идеи, которые заложили концептуальную основу исследований по данной проблематике. В первые два десятилетия активно разрабатывались

методические приемы идентификации рассогласований и анализа их эффектов.

Несмотря на многочисленные исследования в данной области, последующее развитие концепции происходило не столь интенсивно. По мнению Вугенига, до сих пор не получены ответы на многие важные методологические вопросы. Кроме того, значительно не продвинулись в решении связанные с этим проблемы измерения статусных несоответствий.

В качестве одной из главных причин сложившейся познавательной ситуации автор считал упрощенный подход многих исследователей, которые часто ограничивались теоретическими утверждениями и идеями основоположника концепции: «Фактически авторы занимались многочисленными проверками упрощенных версий гипотез Ленского» [1, с. 35]. Большинство последователей не учитывало того, что получили развитие альтернативные версии анализа статусной неконсистентности, которые отличались от первоначальной концептуализацией данного явления, теоретическими объяснениями, определением внешних переменных, предсказаниями и т. п.

На основе изложенных фактов Вугениг сделал вывод о преждевременности пессимистических прогнозов относительно будущего концепции. Позитивность оценок автора поддержали исследователи, которые изучали проблему статусной неконсистентности в 80–90-е гг.

В настоящее время интенсивно используют объяснительный потенциал концепции исследователи социальной структуры из восточно-европейских стран. Интерес к проблеме статусных рассогласований предопределяется значительным увеличением ее масштаба, а также усилением влияния на сознание и поведение людей в условиях трансформирующегося социума.

Аналитические работы, в которых систематизируются результаты исследований в данной области, подводятся итоги и оценивается будущее [1, 2, 4–6], позволяют идентифицировать основные направления развития концепции статусных рассогласований.

Во-первых, расширение представлений об этом сложном явлении привело к развитию альтернативных версий концепции и соответствующих им традиций анализа, в котором проявлялось усиление социально-психологического аспекта исследований (от

изучения объективной неконсистентности к анализу субъективной и нормативной).

Во-вторых, наблюдаемая переориентация предмета исследований с макро- на микроуровень имела следствием постепенный переход от изучения неконсистентности как структурного свойства стратификационной системы к анализу рассогласованности как возможному фактору сознания и поведения людей.

В-третьих, изменение интереса к социальному контексту вызвало смещение акцента в исследованиях: от изучения неконсистентности в условиях стабильного рыночного общества к анализу рассогласований как феномена нерыночной социальной системы.

Литература

1. Wuggenig U. A Diving Theory? A Critical Assessment of Some Aspects of Status Inconsistency Research // Status Inconsistency in Modern Societies / Ed. by H. Strasser, R. Hodgee. Duisburg: Verlag der Sozialwissenschaftlichen Kooperative, 1986.

2. Crosbie P. Effects of Status Inconsistency: Negative Evidence from Small Groups // Social Psychological Quarterly. 1979. Vol. 42.

3. Blocker J., Riedesel P. The Nonconsequences of Objective and Subjective Status Inconsistency: Requiem for a Moribund Concept // The Sociological Quarterly. 1978. Vol. 19.

4. Jackson E. F., Curtis R. F. Effects of Vertical Mobility and Status Inconsistency: a Body of Negative Evidence // American Sociological Review. 1972. Vol. 37.

5. Zimmermann E. «Bringing Common Sense Back In»: Some Neglected Assumptions In Status Inconsistency Theory and Research // Archives Europeennes de Sociologie. 1978. Vol. 19.

6. Whitt H. P. Status Inconsistency: a Body of Negative Evidence or a Statistical Artifact? // Social Forces. 1983. Vol. 62.

3.2. Традиции анализа статусной неконсистентности и основные версии концепции

В рамках концепции получили развитие три версии анализа статусных рассогласований, условно обозначаемые как объективная, субъективная и нормативная [1, с. 28]. Каждая из них акцентирует внимание на определенной грани этого сложного явления.

Исторически первым возник объективный подход, который в своем классическом варианте представлен в работах Г. Ленского. Эта традиция анализа придает большое значение научному инструменту исследователя, с помощью которого идентифицируется ситуация статусных несоответствий [2, с. 62]. Основоположник концепции предлагал определять данное явление в терминах неравенства рангов. Статусная кристаллизация или консистентность в его первой работе обозначают совпадение статусов индивида в социально значимых измерениях стратификации. Сущность рассогласований сводится к отклонению от консистентной комбинации и измеряется по известной формуле.

В последующих работах американских исследователей это операциональное определение подверглось некоторым уточнениям, не изменяясь по сути. Так, в работе Г. Раша под статусной неконсистентностью понимается «степень различия рангов позиций индивида в значимых статусных измерениях» [3, с. 86]. К. Бауман считал неконсистентной ситуацию, когда «один или более статусов индивида находятся на разных уровнях в рассматриваемых иерархиях» [4, с. 45].

В рамках объективной версии анализа несоответствия статусов, которые фиксируются исследователем с помощью какого-либо инструмента, выступают детерминантом сознания и поведения людей.

Подход Ленского был подвергнут критике теми исследователями, которые придавали большое значение сознанию носителей рассогласованных статусов при выявлении консистентной статусной ситуации. Кроме того, развитие объективной версии анализа привело к противоречивым результатам различных исследований: одни авторы подтверждали наличие эффектов статусных несоответствий, другие – отрицали. Первоначальные представления о статусной кристаллизации как ситуации равенства рангов оказались корректными лишь при определенных условиях. В других случаях неконсистентной могла быть признана ситуация несовпадения рангов (как в объективном смысле, так и субъективном – например, в массовом сознании). Однако если исследователь работал в рамках объективного подхода, он вполне мог оперировать дефиницией Ленского.

Расширение представлений о статусной неконсистентности привело к развитию субъективного и нормативного подходов.

Акцент в субъективной версии анализа делается на осознании индивидом, вооруженным жизненным опытом и чувствами, своей статусной ситуации [2, с. 62]. Именно сознание носителя рассогласованных статусов, как предполагали Келли и Чемблиш, выступает решающим фактором при прогнозировании различных аспектов его поведения. Л. Брум пытался объяснить неоднозначность полученных результатов непониманием принципиальных различий между двумя переменными – осознанием положения и самим положением в социальной структуре. Проведя четкую грань между ними, автор сформулировал следующую гипотезу: «Лица, проявляющие некий обусловленный профиль неустойчивости статусов и в известной степени сознающие эту неустойчивость, обнаружат строго определенные установки и виды поведения» [5, с. 480].

В дальнейшем среди исследователей установилось почти полное единодушие по поводу принципиальной необходимости анализа несоответствий в субъективном значении. Осознание неконсистентности является, по мнению Э. Лаумана и Д. Сегала, частным случаем «осознания или интереса индивида к своему статусу, которое является важным свойством стратификационной системы... и имеет важные последствия для процессов, протекающих в ней» [6, с. 52]. Э. Циммерман, подчеркивая значение анализа субъективного аспекта неконсистентности, считал его «необходимым требованием, если мы надеемся на какой-то прогресс в исследованиях в этой области» [7, с. 120].

Использование данного подхода в эмпирических исследованиях привело к появлению множества способов идентификации субъективных рассогласований, причем полученные результаты оказались абсолютно несопоставимыми. В аналитической работе У. Вугенига показано, что из 118 публикаций только в 11 случаях изучался данный аспект, при этом каждый автор предлагал свой собственный измеритель статусных рассогласований [1, с. 30].

Самостоятельное развитие субъективной версии осложнялось латентным и опосредованным характером осознания ситуации статусных рассогласований. Л. Брум обращал внимание на то, что «многие люди ведут замкнутую в четырех стенах жизнь, не имеют

представления о неустойчивости собственных статусов и никак не реагируют на нее» [5, с. 480]. Определяя свое положение в социальном пространстве, индивид редко идентифицирует статусную ситуацию в терминах консистентной или неконсистентной позиции. Совместное использование субъективного и объективного подходов оказалось более продуктивным. Так, Вугениг обнаружил, что в 6 из 11 работ они анализировались параллельно.

Сторонники нормативного подхода определяют и измеряют неконсистентность не в терминах неравенства рангов, а как отклонение от нормативно ожидаемых статусных профилей [8]. Исходным моментом анализа выступают представления о «правилах конгруэнтности» – моделях статусов, которые нормативно ожидаемы либо самими индивидами, либо их социальным окружением.

Правила конгруэнтности – это существующее в обществе представление о том, какая конфигурация рассматриваемых статусов является нормальной, приемлемой с точки зрения эффективности функционирования социальной системы, они определяются как «социальные правила, фиксирующие консистентную комбинацию статусов» [9, с. 91]. Сущность статусных рассогласований сводится к их нарушению.

Существует два подхода к выявлению содержания правил конгруэнтности [10, с. 417, 418]. Один из них основан на определении правил как статистической нормы для рассматриваемой совокупности субъектов, при этом нормальным соотношением статусных характеристик считается их наиболее распространенная комбинация. Другой подход основан на выявлении содержания правил конгруэнтности как центральной тенденции общественного мнения, которая может быть зафиксирована в опросах населения. Целесообразно различать нормативную и дескриптивную линии анализа. Нормативность связана с выделением компонента должного в представлениях о правилах конгруэнтности – ожиданий членов данной общности по поводу правильного и справедливого соотношения статусов. Дескриптивность идентифицирует представления населения о том, какое правило существует в действительности.

Оба подхода являются взаимодополняемыми. Невозможно определить нормативную модель, опираясь только на знания о статистической норме, не учитывая представлений в массовом сознании о справедливом соотношении статусов (в противном случае любую действительность можно выдать за правило).

Обладая известными недостатками, каждая из версий концепции имеет ограниченный объяснительный потенциал, и лишь на основе их синтеза можно сформировать целостное представление о многогранном явлении статусной неконсистентности [11].

Литература

1. Wuggenig U. A Dving Theory? A Critical Assessment of Some Aspects of Status Inconsistency Research // Status Inconsistency in Modern Societies / Ed. by H. Strasser, R. Hodgee. Duisburg: Verlag der Sozialwissenschaftlichen Kooperative, 1986.
2. Богомолова Т., Саблина С. Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: Презентация классической концепции // Рубеж. 1997. № 10–11.
3. Rush G. B. Status Consistency and Right-Wing Extremism // American Sociological Review. 1967. Vol. 32.
4. Bauman K. E. Status Inconsistency, Satisfactory Social Interaction, and Community Satisfaction in an Area of Rapid Growth // Social Forces. 1968. Vol. 47.
5. Брум Л. Социальная дифференциация и стратификация // Социология сегодня. М.: Прогресс, 1965.
6. Laumann E. O., Segal D. R. Status Inconsistency and Ethnoreligious Groups Membership as Determinants of Social Participation and Political Attitude // American Journal of Sociology. 1971. Vol. 77.
7. Zimmermann E. Almost All You Wanted to Know About Status Inconsistency But Never Dared to Measure: Theoretical Deficits in Empirical Research on Status Inconsistency // Status Inconsistency in Modern Societies. Ed. by H. Strasser, R. Hodgee. Duisburg: Verlag der Sozialwissenschaftlichen Kooperative, 1986.
8. Goffman I. Status Consistency and Preference for Change in Power Distribution // American Sociological Review. 1957. Vol. 22.
9. Meyer J. W., Hammond P. E. The Models of Status Inconsistency // Social Forces. 1971. Vol. 50.
10. Саблина С. Статусная рассогласованность в постсоветский период // Социальная траектория реформируемой России: Исследования

Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1999.

11. Саблина С. Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социологический журнал. 2000. № 1–2.

3.3. Макро- и микроуровень анализа статусных несоответствий

В процессе развития концепции наблюдалась переориентация предмета исследования с макро- на микроуровень, которая проявлялась в переходе от изучения неконсистентности как структурного свойства стратификационной системы к анализу рассогласованности в качестве возможного фактора сознания и поведения людей. Каждый из этих аспектов акцентировал внимание на определенной грани явления статусных рассогласований.

В рамках макроподхода в фокусе внимания исследователей находится статусная неконсистентность как «структурное свойство общей стратификационной системы, соответствие между различными иерархиями» [1, с. 989]. Статусная рассогласованность рассматривается в качестве не столько характеристики индивида, сколько страты и социальной стратификации в целом. Выявление профиля страт, в котором находит отражение масштаб и направление неконсистентности, позволяет более точно охарактеризовать особенности существующей системы неравенств.

Л. Брум и Л. Джоунс понимали под неконсистентностью страты «степень достижения общим ее профилем равновесия: страта консистентна, если ее профиль из значимого набора статусных характеристик размещен на сходных позициях в различных иерархиях» [2, с. 811]. Стратификационный анализ предполагает выделение в многомерном социальном пространстве определенных кластеров и их расположение в иерархическом ранге. В действительности страты являются статистическими построениями, которые могут выступать прообразами реально существующих совокупностей и объединяют индивидов с теми или иными характеристиками (доход, профессия, образование и др.). Любая страта имеет свой профиль, взаимно выравнивая и приводя к среднему показателю различия, вносимые профилями конкретных индивидов [3, с. 482].

Американские исследователи У. Ландейкер и Л. Брум впервые использовали макроподход при анализе статусной неконсистентности [3, 4]. В их работах описана роль кристаллизации статуса в процессе формирования социального класса. Страты как статистические образования не тождественны сознательно опознаваемым совокупностям. Аналитически разведя понятия «слой» и «класс», авторы утверждали, что консистентность или гомогенность страты выступает одним из условий ее «превращения» в реально существующий класс [5].

Если страта состоит из элементов со сходными статусными профилями, то складываются более благоприятные условия для осознания общности положения в социальной структуре, а также формирования близости мировоззренческих характеристик. Если слой включает весьма разнородные элементы населения с разнообразными профилями, то в этих условиях возникают препятствия для развития классового самосознания и осознания общности взглядов и интересов.

Информационной базой исследования Ландейкера послужили данные опроса населения округа Детройт (N = 613). Работая в одном проекте с Г. Ленским, автор использовал аналогичные процедуры для идентификации статусной неконсистентности. В контексте основного предположения рассматривалось влияние степени статусной кристаллизации на формирование классового сознания. Его измерителями выступали: во-первых, восприятие существующей классовой структуры; во-вторых, идентификация собственного положения в ней; в-третьих, осознание классовых интересов.

Каждой единице наблюдения ставился в соответствие «объективный статус», рассчитанный как среднее арифметическое значение четырех характеристик (дохода, профессии, образования и этнической принадлежности). Диапазон значений по массиву был разделен на два уровня, обозначенных как высший средний и низший средний. «Субъективный статус» респондента фиксировался на основе его самоидентификации в заданной структуре страт: высшая, высшая средняя, низшая средняя и низшая. Распределение ответов показало целесообразность их объединения в два уровня: высший средний и низший средний.

Анализируя один из аспектов проблемы, Ландейкер изучал влияние статусной неконсистентности на совпадение объективного и субъективного статусов индивида. Полученные им данные не опровергли гипотезу о роли статусной кристаллизации в процессе формирования социального класса (табл. 2 [4, с. 223]). Аналогичные результаты были получены при рассмотрении других аспектов классового сознания.

Таблица 2

Влияние статусной неконсистентности
на соотношение объективного и субъективного статусов

Объективный статус	Субъективный статус			
	Высший средний		Низший средний	
	Консистентность	Неконсистентность	Консистентность	Неконсистентность
Высший средний	45,0	42,7	34,4	38,7
Низший средний	25,0	29,3	50,0	38,7
Разница в %	20,0	13,4	15,6	0

Л. Брум проводил вторичный анализ данных исследования У. Уорнера и Л. Сроула, которые изучали положение этнических групп в одном из городов США [3]. Позиция в социальной структуре восьми этнических групп имела три составляющие: 1) социальный класс (репутация); 2) профессия; 3) жилищные условия. Профиль белых коренных жителей в пространстве этих стратификационных измерений был условно принят за норму и соответствовал идеальному типу – ситуации совпадения рангов. Профили других этнических групп представляли собой ломаные линии, имевшие разную степень отклонения от нормы, которая определялась путем вычитания из ста величины, равной среднему линейному отклонению ранга группы по каждой из шкал от среднего арифметического рангов страты по совокупности анализируемых измерений социального статуса.

Зафиксировав степень так называемой «стратификационно-атрибутивной устойчивости» для каждой этнической группы, Брум проверял гипотезу о ее влиянии на формирование классового сознания. В частности, автор обнаружил следующий факт: страты с низкой устойчивостью труднее адаптируются в любой классовой системе, поскольку ее представители не могут четко идентифицировать свое положение в социальном пространстве. В условиях отсутствия классового сознания у групп с ломаным профилем может развиваться «ложное этническое самосознание» [3, с. 487].

Иллюстрацией использования макроподхода при анализе неконсистентности может служить работа коллектива чешских социологов под руководством П. Махонина [6]. Изучая стратификацию в Чехословакии в конце 60-х годов 20-го века, исследователи уделяли пристальное внимание явлению рассогласованности страт. Стратификационная модель, построенная на основе кластерного анализа, включала не только консистентные страты, но и неконсистентные группы, в которых оказалось 20 % респондентов. Масштаб данного явления, а также профиль кластеров свидетельствовали о его специфическом вкладе в формирование системы неравенств перераспределительного общества.

По мере развития концепции статусной неконсистентности исследования стали приобретать социально-психологический оттенок. Это было обусловлено распространением микроподхода в анализе данного явления, который изменил первоначально структурную операционализацию базового понятия. На микроуровне рассогласованность рассматривается как характеристика положения индивида и отражает степень несоответствия его позиций в различных социальных иерархиях. Наибольший интерес представляет не столько статусная ситуация как таковая, сколько ее влияние на сознание и поведение людей.

Результаты многочисленных исследований в данной области свидетельствуют, что эффекты статусной неконсистентности могут проявляться в форме аффективных, когнитивных и поведенческих реакций. На определенном этапе развития концепции возникла потребность в их систематизации и обосновании проявления в том или ином социальном контексте. Первые классификации,

предложенные А. Малевским и Дж. Гешвендером [7, 8], включали следующие типы эффектов:

- стремление к мобильности;
- склонность к изоляции;
- склонность поддерживать определенные политические партии и движения;
- психосоматические симптомы;
- предрассудки;
- эмоциональные реакции.

Гешвендером была обоснована закономерность проявления эффектов, на основе которой возможно прогнозирование реакций людей на определенную статусную ситуацию [8, с. 169]. Согласно представлениям автора, носители рассогласованных статусов пытаются изменить положение и их действия принимают форму повторяющихся ответов, последовательность которых идентифицируется как движение от простого к сложному.

Самой простой реакцией на неконсистентность считается эмоциональная, все последующие действия представляют собой различные попытки изменить ситуацию. Более простым способом трансформации действительности является изменение собственного статуса посредством мобильности. Только восходящая мобильность может снизить диссонанс от статусной рассогласованности, поскольку спуск по социальной лестнице может вызвать дискомфорт, связанный со сравнением положения в настоящем и прошлом. Если эта попытка не может быть реализована, то субъект обращается к следующему способу – агрессивным действиям против индивидов или групп. Осуществляя такие виды поведения, носители рассогласованных статусов снимают напряжение, направляя враждебность против определенных субъектов (например, групп меньшинства).

Если не удастся реализовать предыдущие попытки, то следует более сложная реакция – стремление изменить существующий социальный порядок: первоначально поддерживая взгляды политической оппозиции, а затем – принимая активное личное участие в ее деятельности. В случае невозможности снять напряжение такими способами поведение неконсистента будет принимать различные формы избегания неприятных социальных взаимодействий.

В ситуации невозможности изменить действительность, а также избежать контакты, индивид вынужден жить с диссонансом, вытекающим из рассогласованности его статусов, что порождает психические реакции, следствие которых – проявление психосоматических симптомов.

Подводя итоги развития концепции статусной неконсистентности, П. Кросби предпринял попытку систематизации микроподходов к анализу данного явления [9]. Автором выделено шесть методологических подходов, удовлетворяющих двум критериям отбора:

- значимость вклада в развитие исследований по данной проблематике: каждый подход рассматривался в качестве концептуальной основы, по крайней мере, одной работы в данной области;

- концептуальные различия в идентификации социально значимых статусных измерений: каждый подход предлагал использовать оригинальный критерий для отбора важнейших осей дифференциации.

На основе этих критериев Кросби выделил следующие микроподходы.

1. Теория Бенуа – Смэльяна (Benoit – Smullyan) подчеркивает важность явления статусной неконсистентности, которое при определенных условиях может привести к дисбалансу социальной системы в результате усиления социальной напряженности революционного характера. Несмотря на отсутствие в работах автора четкого обоснования данного эффекта, последний связывается с чувством фрустрации индивида при несоответствии действительности и ожиданий относительно нее. В теории однозначно идентифицированы социально значимые статусные измерения, несоответствия между которыми могут привести к описанным последствиям. Это известные по работам М. Вебера параметры – объективные измерения богатства, власти и престижа.

2. Теория Фенчела (Fenchel) развивает идеи Бенуа – Смэльяна, придавая им социально-психологический оттенок. Данный подход акцентирует внимание на осознании индивидом своего положения в разных социальных иерархиях. Восприятие ситуации статусной неконсистентности выступает важнейшим фактором проявления реакции на уровне сознания и поведения. В статьях Фенчела и его

коллег нет четкого описания набора значимых статусных характеристик, но, учитывая ссылки авторов на предыдущую теорию, идентифицируют их как субъективные измерения богатства, власти и престижа.

3. Теория Хоманса (Homans) рассматривает в качестве значимых измерений стратификации инвестиции и вознаграждения. Согласно представлениям автора, индивиды, вступая в процессы обмена, ожидают получить вознаграждение, соответствующее уровню их инвестиций. Если действительность не соответствует ожиданиям, то можно прогнозировать разного рода реакции носителя рассогласованных статусов. Эффекты обусловлены объективно существующим нарушением баланса инвестиций и вознаграждения. Хоманс обращал внимание на то, что объективный дисбаланс принципиально отличается от чувства несправедливости как отражения его в сознании людей. Акцент в теории автора делается на эффектах как следствии объективных статусных ситуаций. Хоманс не представил четкого обоснования критерия идентификации инвестиций и вознаграждения как социально значимых измерений стратификации. Кроме того, он не развернул эти абстрактные понятия в систему обоснованных измерителей. Однако, приводя конкретные примеры, исследователь относил к разряду инвестиций такие характеристики индивида, как пол, образование, ответственность; к разряду вознаграждений – уважение и доход.

4. Теория когнитивной консистентности Сэмпсона (Sampson) не предлагает четкого описания осей дифференциации, несоответствия между которыми могут иметь последствия на микроуровне. Однако автор пытался обосновать правила поиска этих измерений в любом обществе, общине и т. п. Это те статусы, в отношении которых у индивидов формируются ожидания их консистентности. Согласно представлениям Сэмпсона, статусная рассогласованность имеет место только в том случае, если у индивида имелись ожидания относительно соответствия характеристик (например, уровня образования и дохода), а действительность противоречит этим ожиданиям. Теория придает большое значение сознанию индивида в процессе идентификации статусных рассогласований.

5. В теории формального баланса Зелдич и Андерсона (Zelditch, Anderson) задача обоснования критерия идентификации набора

значимых стратификационных измерений не ставится. Этот подход подчеркивает ситуативность в процессе его поиска, а также большую роль сознания индивида. Фактически социально значимыми будут выступать те статусы, в отношении которых фиксируется максимальный эффект неконсистентности. Наиболее важны те измерения, которые признаны таковыми членами конкретной группы. Признавая ситуативный и субъективный характер набора статусов, авторы называли равновесием ситуацию их сходного ранжирования. Неконсистентность порождает ситуацию дисбаланса и имеет следствием определенный уровень напряженности.

6. Теория Кимберли (Kimberly) носит синтетический характер. Автор разводит два вида неконсистентности: 1) между так называемыми системными рангами (богатство, власть и престиж); 2) между подсистемными (мотивация, квалификация, положение и роль). Системные измерения имеют гораздо меньшее значение на микроуровне исследования статусных рассогласований. Значимость подсистемных параметров обусловлена их фундаментальностью и первичностью по отношению к системным. Вследствие этого неконсистентность подсистемных рангов порождает наибольший эффект.

Заслугой Кросби является не только систематизация методологических подходов, но и сопоставление их объяснительного потенциала в собственном эмпирическом исследовании.

Литература

1. Broom L., Jones F. L. Status Consistency and Political Preference: The Australian Case // *American Sociological Review*. 1970. Vol. 35.
2. Broom L., Jones F. L. Problematics in Stratum Consistency and Stratum Formation: an Australian Example // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82.
3. Брум Л. Социальная дифференциация и стратификация // *Социология сегодня*. М.: Прогресс, 1965.
4. Landecker W. S. Class Crystallization and Class Consciousness // *American Sociological Review*. 1963. Vol. 28.
5. Саблина С. Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // *Социологический журнал*. 2000. № 1–2.

6. Machonin P. Social Stratification in Contemporary Czechoslovakia // American Journal of Sociology. 1970. Vol. 75.
7. Malewski A. The Degree of Status Incongruence and its Effects // Polish Sociological Bulletin. 1963. № 1.
8. Geschwender J. A. Continuities in Theories of Status Consistency and Cognitive Dissonance // Social Forces. 1967. Vol. 46.
9. Crosbie P. Effects of Status Inconsistency: Negative Evidence from Small Groups // Social Psychological Quarterly. 1979. Vol. 42.

ТЕМА 4. РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ В РАБОТАХ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

По мере развития концепции в исследованиях по данной проблематике наблюдалось постепенное смещение акцента: от изучения неконсистентности в условиях стабильного рыночного общества к анализу рассогласований как феномена нерыночной системы. Последнее направление и соответствующий социальный контекст представляют особый интерес, несмотря на относительно незначительное количество работ на фоне общего объема публикаций.

В последние годы интенсивно используют объяснительный потенциал концепции социологи из восточно-европейских стран, среди них наибольший вклад в ее развитие внесли работы польских и чешских исследователей.

Польские ученые накопили значительный опыт в изучении данной проблематики. Традиция анализа статусной неконсистентности, начатая в шестидесятые годы, не прерывалась даже в периоды застоя и социальных потрясений вследствие лояльности политической элиты к стратификационным исследованиям.

Первое исследование в данной области, результаты которого нашли отражение во многих публикациях, проведено в 60-е гг. 20-го века под руководством В. Весоловского [1–3]. Опираясь на представления о фундаментальности профессиональной стратификации в современных обществах, ученые сконцентрировали внимание на проблеме кристаллизации в этом

фрагменте системы неравенств. Зафиксировав три составляющих общего статуса (характер труда, размер дохода и степень престижа), они изучали явление их декомпозиции. По мнению Весоловского, в перераспределительном обществе статусные несоответствия получают широкое распространение. Это обусловлено так называемыми социалистическими преобразованиями в экономике и особенностями социалистической идеологии. Так, доктрина социального равенства, реализованная в различных сферах, вносила существенный вклад в декомпозицию статусов. В системе материальных неравенств она «материализовалась» в соответствующих механизмах распределения доходов. В тоталитарной системе правящая элита могла определять принципы вознаграждения тех или иных социальных позиций. Реализация доктрины приводила к выравниванию положения субъектов в этом фрагменте социального пространства, следствием чего является отсутствие значительной дифференциации доходов при сохранении различий в других иерархиях. Фактически представители разных профессиональных сред получали примерно одинаковый уровень заработной платы. Иногда наблюдалось необъяснимое, с позиций функционального анализа стратификации, выравнивание оплаты труда. Так, грузчики, работающие на предприятиях с вредными условиями труда, могли получать столько же, сколько врачи. Однако представители этих категорий имели разный уровень образования и квалификации.

Декомпозиция статусов находила отражение в массовом сознании. На основе данных опроса населения Польши в 60-е гг. Весоловский продемонстрировал масштабность несоответствий между характером труда, размером дохода и престижем. Респондентам предлагалось оценить позиции пяти профессиональных групп, различающихся по характеру труда (предпринимателей, специалистов, квалифицированных рабочих, служащих, неквалифицированных рабочих) в иерархиях материального (доход) и социального (престиж) вознаграждений по пятибалльной шкале.

Результаты исследования свидетельствуют о расхождении значимых социальных иерархий в массовом сознании (табл. 3 [1, с. 471]). Респонденты ощущали разные направления декомпозиции статусов:

– неконсистентность двух видов вознаграждения (материального и социального): только две из пяти профессиональных позиций имели одинаковые ранги дохода и престижа;

– несоответствия характера труда и вознаграждения в двух его формах. Если профессии разделить на две группы (физического и умственного труда), то, согласно функциональной концепции стратификации и меритократическим принципам, можно ожидать больший престиж и доход занятых нефизическим трудом [4, с. 176, 177]. Однако квалифицированные рабочие имели более высокие позиции по сравнению со служащими как в иерархии дохода, так и престижа. В довоенной Польше наблюдалась обратная ситуация: «белые воротнички» имели заработок, в два раза превышающий доход занятых физическим трудом.

Таблица 3

Распределение профессиональных групп в иерархиях материального вознаграждения и престижа

Группы	Доход		Престиж	
	Балл	Ранг	Балл	Ранг
Предприниматели	1,81	1	2,81	3
Специалисты	2,35	2	1,74	1
Квалифицированные рабочие	2,40	3	2,33	2
Служащие	3,30	4	3,17	4
Неквалифицированные рабочие	4,12	5	4,06	5

Сходное по замыслу исследование провел В. Майковский [5]. На основе опросов польского населения в 60–70-е гг. 20-го века он проанализировал положение 18-ти профессиональных групп в иерархиях дохода и престижа. Автор продемонстрировал масштабность декомпозиции двух видов вознаграждения (материального и социального), которая получила отражение в массовом сознании.

Майковский обнаружил только три профессиональные группы со сходными уровнями дохода и престижа: врач, бухгалтер и фермер. Остальные профессии разделились на две категории: «переоплачиваемые» с доходом, превышающим престиж (слесарь-

частник, министр правительства и др.), и «недооплачиваемые» (учитель, медсестра и др.).

И Весоловский, и Майковский указывали на возможность рассогласований между вознаграждениями в любой социальной среде, в том числе рыночной. Хрестоматийным примером является позиция профессора университета [6, с. 132, 133]. Однако в перераспределительном обществе масштаб неконсистентности значительно возрастает, что обусловлено особенностями социального контекста. Проведя дополнительный анализ факторов, влияющих на формирование иерархий, Майковский продемонстрировал, что престиж предопределяется прежде всего образованием. Статус дохода формируется на основе, во-первых, позиции в структуре власти; во-вторых, отрасли и сектора занятости; и, в-третьих, образования. Эта дифференциация факторов предопределила обнаруженную декомпозицию вознаграждений [5, с. 131–135].

В 80–90-х гг. прошлого века в польской социологии наблюдался всплеск интереса к изучению статусных несоответствий. Исследователи стратификации зафиксировали тенденцию к рекомпозиции статусных характеристик по мере трансформации общества в рыночное. Так, Х. Доманьский на основе данных пяти национальных опросов (1982, 1987, 1991, 1992, 1993 гг.) обнаружил увеличение степени согласованности составляющих общего статуса: образования, дохода и престижа [7]. Этот вывод был сделан в результате всестороннего изучения трансформирующейся социальной структуры. В частности, автором проанализирована динамика коэффициентов корреляции между составляющими общего статуса (табл. 4 [7, с. 337]).

Таблица 4

Коэффициенты корреляции между образованием,
престижем и доходом

	Образование – престиж	Образование – доход	Престиж – доход
Польша, 1982	0,60	0,21	0,16
Польша, 1987	0,57	0,19	0,20
Польша, 1991	0,59	0,24	0,23
Польша, 1992	0,61	0,33	0,28

Польша, 1993	0,64	0,26	0,26
Австрия, 1974	0,56	0,44	0,46
Дания, 1972	0,67	0,39	0,35
Финляндия, 1972	0,45	0,46	0,44
Германия, 1976	0,68	0,48	0,44
Израиль, 1974	0,43	0,42	0,44
Голландия, 1974	0,51	0,55	0,40
Норвегия, 1972	0,71	0,34	0,44
Швеция, 1972	0,64	0,45	0,58
США, 1974–1977	0,58	0,37	0,32

Данные национальных опросов свидетельствовали об увеличении консистентности значимых характеристик за рассматриваемый период, однако ее степень была заметно ниже, чем в рыночных обществах. К концу 80-х гг. в Польше удалось элиминировать принципы централизованного распределения ресурсов и перейти к рыночным формам социальной организации. Это внесло определенный вклад в процесс кристаллизации общего статуса.

Кроме того, Доманьский обнаружил другой аспект рекомпозиции статусных характеристик, анализируя соотношение между характером труда и вознаграждением в двух группах профессий: занятых умственным и физическим трудом. По данным национальных опросов, в 1991–1993 гг. работники физического труда в целом зарабатывали меньше, чем занятые умственной деятельностью. Верхушка рабочего класса – квалифицированные рабочие и мастера – имели меньший по размеру доход, чем представители интеллигенции.

На основе регрессионного анализа факторов дифференциации доходов Доманьский сделал вывод об усилении влияния образования на уровень вознаграждения по мере трансформации общества в рыночное. Значения β -коэффициентов при переменной высшего образования увеличилось, составляя в 1982 г. 0,16, в 1991 г. 0,19, в 1993 г. 0,27 [7, с. 343]. По мнению автора, высшее образование постепенно становится фактором получения высокого дохода, однако это условие по-разному реализуется в различных секторах экономики, типах поселения и др.

Всестороннее изучение данной проблемы позволило зафиксировать тенденцию к рекомпозиции статусных характеристик

в процессе социально-экономических преобразований. Аналогичные результаты обнаружены чешскими исследователями, анализировавшими трансформацию социальной структуры в 80–90-е гг. 20-го века [8]. В проекте, возглавляемом П. Махониным и М. Тучеком, был реализован традиционный для чешской социологии подход к изучению системы социальных неравенств.

Информационной базой исследования послужили данные трех национальных опросов, проведенных в 1984 г. (N = 7625), весной 1993 г. (N = 3296) и осенью 1993 г. (N = 1376). Махонин и Тучек использовали методологические принципы и методические процедуры, известные по работам 60-х гг. [9]. В пространстве пяти измерителей общего статуса (сложность труда, позиция в структуре власти, культурная или досуговая деятельность, образование и доход) конструировалась стратификационная модель с использованием кластерного анализа. Из десяти обнаруженных страт относительно консистентными оказались четыре: в 1984 г. они включали 48,2 % респондентов, в 1993 г. – 51,4 %. Несмотря на некоторое увеличение в структуре общества доли людей с согласованными статусами, на первом этапе трансформации масштаб этого явления остается значительным (для сравнения – в 1968 г. консистентные страты включали 80 % респондентов).

Анализируя факторы дифференциации доходов, Махонин и Тучек обнаружили усиление влияния меритократических факторов (образования и сложности труда) и уменьшение значимости демографических характеристик (пол и возраст), которые играли немаловажную роль в перераспределительном обществе (табл. 5 [8, с. 157]). Значения β -коэффициентов свидетельствовали об увеличении совместного влияния двух меритократических факторов – образования и сложности труда, которые отражают дифференциацию квалификации, на распределение доходов.

Таблица 5

Изменение β -коэффициентов уравнения множественной регрессии, 1984–1993 гг.

Факторы	1984	1993
Пол	-0,53	-0,33
Возраст	0,17	-0,04

Образование	0,17	0,15
Позиция в структуре власти	0,12	0,26
Сложность труда	0,08	0,15

В целом, гипотеза об усилении процесса кристаллизации статуса по мере посткоммунистической трансформации не была опровергнута. Это явление в чешских исследованиях получило название рестратификации в противовес дестратификации, которая наблюдалась в перераспределительном обществе. По мнению авторов, значительный масштаб неконсистентности выступил одним из решающих факторов коллапса коммунистического режима в 80-е гг. Это подтверждало идею Ленского о нестабильности общества с большой долей носителей рассогласованных статусов, так как они склонны поддерживать оппозиционные политические силы вследствие неудовлетворенности существующим социальным порядком.

На основе полученных результатов Махонин и Тучек утверждали, что рестратификация в чешском обществе находится на начальной стадии и во многом обусловлена усилением процессов меритократизации.

На современном этапе развития концепции работы восточно-европейских социологов вносят существенный вклад в расширение представлений об этом явлении в условиях трансформирующегося социума. Несмотря на использование различной методологии и методических процедур для идентификации статусных несоответствий и их эффектов, исследователи получают сходные результаты анализа статусной неконсистентности как одного из важнейших аспектов социальной стратификации.

Литература

1. Wesolowski W. Strata and Strata Interests in Socialist Society // Structured Social Inequality / Ed. by C. S. Heller. L., 1969.
2. Весоловский В. Классы, слои и власть. М.: Прогресс, 1981.
3. Сарапата А. Изучение расслоения и социальной мобильности в Польше // Социальная стратификация: Сб. статей. Вып. 3. М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.

4. Slomczynski K. M. Class and Status in East-European Perspective // The Transformation of Europe. Social Conditions and Consequences. Warsaw: IFiS Publishers, 1994.
5. Majkowski W. People's Poland: Patterns of Social Inequality and Conflict. Greenwood Press, 1985.
6. Парсонс Т. Аналитический подход к теории социальной стратификации // Социальная стратификация: Сб. статей. Вып. 1. М.: Изд-во Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН. 1992.
7. Domanski H. The Recomposition of Social Stratification in Poland // Polish Sociological Review. 1994. № 4.
8. Machonin P., Tucek M. A Historical Comparison of Social Structures in the Czech Republic in the Years 1984 and 1993 // Czech Sociological Review. 1994. № 2.
9. Machonin P. Social Stratification in Contemporary Czechoslovakia // American Journal of Sociology. 1970. Vol. 75.

ТЕМА 5. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СТАТУСНЫХ РАССОГЛАСОВАНИЙ И ИХ ЭФФЕКТОВ

5.1. Основные способы идентификации статусной неконсистентности

Наблюдаемая противоречивость результатов исследования эффектов статусных рассогласований потребовала систематизации и глубокого анализа методических приемов и процедур, используемых в работах по данной проблематике. Некоторые аналитики объясняли сложную познавательную ситуацию в этой области множественностью методологических подходов, а также связанных с ними способов измерения статусной неконсистентности.

Так, Э. Джэксон и Р. Кетис объясняли неоднозначность результатов американских исследований, проведенных в 50–60-е гг. 20-го века, существенными различиями в методике анализа: в качестве зависимых переменных рассматривались разные аспекты сознания и поведения людей, гипотезы проверялись на разного рода выборках, по-разному решалась проблема отделения «чистого эффекта» неконсистентности от влияния рангов статусных характеристик [1, с. 711, 712].

У. Вугениг, подводя итоги развития концепции, уделил пристальное внимание систематизации методических приемов

сбора и анализа данных в исследованиях по данной проблематике [2]. Автор объяснял противоречивость результатов использованием разного рода выборок, но в отличие от Джэксона и Кетиса подчеркивал различия их пространственно-территориального аспекта, а не гендерной структуры. Из 118 анализируемых работ в 35 % случаев гипотезы проверялись на национальных и региональных выборках, в 30 % – на выборках общностей, в 35 % – на выборках, репрезентирующих некоторые элементы социальной структуры (студенты, представители профессиональных групп, политические лидеры и др.).

Кроме того, наблюдались определенные различия в идентификации набора социально значимых статусов, на основе которого конструировались независимые переменные – измерители неконсистентности. Вугениг зафиксировал сильное влияние идей основоположника концепции, который первоначально рассматривал несоответствия четырех характеристик индивида: образования, профессии, дохода и этнической принадлежности. Из 118 работ по данной проблематике переменная образования использовалась в 85 % эмпирических исследований, профессия – в 82 %, доход – в 59 %, этническая принадлежность – в 26 %. Обнаружено только три работы, в которых анализировались совершенно другие статусные характеристики.

По мнению Вугенига, определенный вклад в противоречивость и неоднозначность результатов внесла логика развития методов изучения эффектов неконсистентности. Если до 70-х гг. прошлого столетия в исследованиях преобладали процедуры, основанные на анализе таблиц сопряженности, то в дальнейшем более привлекательным оказался регрессионный анализ, который имел свои преимущества и недостатки. Вне всякого сомнения, более сложные техники позволяли корректно решать важнейшую методическую задачу отделения «чистого эффекта» неконсистентности от влияния рангов статусных характеристик. Однако распространение регрессионного анализа в исследованиях привело к неожиданному, на первый взгляд, результату – постепенному уменьшению числа независимых переменных, включаемых в уравнение регрессии (табл. 6 [2, с. 29]).

Число статусных переменных в исследованиях статусной неконсистентности по типам анализа данных

Период	Анализ таблиц сопряженности			Регрессионный анализ		
	2	3	> 3	2	3	> 3
1950–1983	46	36	18	73	17	10
1970–1983	40	50	10	71	21	8

По данным Вугенига, в более чем 70 % эмпирических исследований, в которых использовался регрессионный анализ, рассматривались только две статусные характеристики как основа для измерения неконсистентности. Наблюдалась закономерность к уменьшению числа работ, рассматривающих не менее трех переменных, доля которых за анализируемый период составила 15 % от общего объема публикаций. Техники, основанные на регрессионных моделях, стали называть «искаженным методом анализа данных» в исследованиях статусных рассогласований.

На определенном этапе развития исследований сложилась весьма парадоксальная ситуация, проявляющаяся, с одной стороны, в стремлении познать сущность этого многогранного явления; с другой стороны – в упрощенном подходе к его измерению. Чем большее количество независимых переменных вводилось в регрессионное уравнение для более адекватного отражения социальной действительности, тем меньший вклад вносила статусная неконсистентность в предсказание разных аспектов сознания и поведения людей. Это объяснялось перераспределением «весов» в пользу измерителей статусов и относительно меньшими значениями β -коэффициентов при переменных – индикаторах статусных несоответствий. Наблюдаемый эффект, теоретически обоснованный основоположником концепции Г. Ленским [3], имел следствием тенденцию к уменьшению числа включаемых в исследование параметров.

Параллельное развитие нескольких традиций анализа статусных рассогласований привело к дифференциации способов их измерения в разных версиях концепции.

В рамках *объективного подхода*, акцентирующего внимание на инструменте исследователя при идентификации статусной ситуации,

наибольшее распространение получили следующие измерители неконсистентности:

1) показатель степени статусной кристаллизации Г. Ленского:

$$100 - \sqrt{\sum_{i=1}^4 (X_i - \bar{X})^2}.$$

Теоретически показатель принимает значение от 0 (высокая степень рассогласованности) до 100 (ситуация равенства рангов). Достоинством измерителя считается возможность изучения несоответствий любого количества статусных характеристик, так как он фиксирует величину отклонения данной комбинации от консистентной. Его недостатком является нивелирование конкретных направлений рассогласований, что ухудшает предсказание их влияния на сознание и поведение людей;

2) показатель «стратификационно-атрибутивной устойчивости» Л. Брума [4], который определяется путем вычитания из ста величины, равной среднему линейному отклонению ранга субъекта по каждой из шкал от среднего арифметического его рангов по совокупности анализируемых измерений социального статуса:

$$100 - \sum_{i=1}^4 |X_i - \bar{X}|.$$

Фактически представляет собой модифицированный измеритель Ленского, который фиксирует не среднеквадратичное, а линейное отклонение. По мнению аналитиков, его недостаток заключается в том, что он уменьшает масштаб незначительных рассогласований и увеличивает масштаб существенных несоответствий;

3) показатель разницы рангов: $|X - Y|$. Используется при анализе несоответствий в парах статусных переменных. Величина показателя указывает на степень рассогласований, знак – на конкретный тип или направление. Обычно значения из диапазона [-1; 1] соответствуют ситуации консистентности. Измеритель имеет хорошую интерпретацию и объяснительный потенциал при прогнозировании эффектов. Его недостатки предопределяются ограничением числа параметров, что не позволяет учитывать комплексное влияние большего количества переменных. Кроме того,

его применение требует построения соизмеримых ранжированных шкал;

4) в случае несоизмеримых шкал используется модифицированный измеритель разницы рангов не абсолютных, а стандартизованных значений: $|Z_x - Z_y|$. В данном случае используется идея преобразования $Z_x = (X - \bar{X})/S$, в результате которого случайная величина X трансформируется в стандартизованную случайную величину Z . Снимая проблему соизмеримости, не преодолевает недостаток предыдущего показателя в отношении изучения совместного влияния более двух статусных переменных, что ведет к упрощению анализа. Стандартизованные значения приносят элемент нормативности в измерение объективной неконсистентности, так как происходит преобразование исходной переменной относительно среднего по массиву значения.

В рамках *субъективного подхода* акцент делается на осознании носителем рассогласованных статусов своего положения в социальном пространстве. Совокупность способов идентификации субъективной неконсистентности [5, с. 10–12; 6, с. 256, 257] можно разделить на две альтернативные процедуры.

1. Непосредственная самоидентификация индивидом статусной ситуации как рассогласованной или согласованной. Пример подобного измерения можно найти в исследовании Р. Сокола, в котором респондентам предлагалось отнести себя к одной из трех групп на основе сопоставления своего образования и дохода: 1) соответствие дохода образованию; 2) образование выше дохода; 3) образование ниже дохода. Тем, кто отнес себя к двум последним группам, предлагалось оценить степень несоответствия этих статусов (незначительная, средняя или сильная). На основе полученных ответов конструировалась шкала с семью уровнями [5, с. 11].

2. Косвенное измерение субъективной неконсистентности, которое предполагает комбинацию субъективного и объективного подходов. В данном случае респондент идентифицирует свое положение в социальном пространстве, определяя ранги в значимых социальных иерархиях. На основе полученных ответов исследователь использует один из измерителей объективной

версии для определения степени и направлений статусных несоответствий. Эта процедура позволяет зафиксировать неконсистентность субъективных статусов.

В рамках *нормативного подхода* исходным пунктом анализа выступает определение содержания правил конгруэнтности, нарушение которых идентифицируется как ситуация статусных рассогласований. Следствие множественности искомых нормативных моделей – существование различных способов определения их содержательной спецификации. Поскольку нормативные ожидания существуют как у отдельного индивида, так и в рамках сообщества, взаимно выравнивая представления его членов [5, с.10], постольку их способы идентификации предопределяются соответствующим уровнем анализа. Кроме того, возможно использование двух взаимодополняемых процедур, основанных на объективном, или «регрессионном» в терминологии Э. Джэксона и Р. Кетиса, и субъективном подходах [7, с. 417, 418].

Так, основоположник нормативной версии И. Гоффман определял правила конгруэнтности как нормативные модели, существующие на уровне групп. Для их идентификации использовался объективный подход, в рамках которого правилом считается статистическая норма, или наиболее распространенная комбинация статусов [8].

Литература

1. Jackson E. F., Curtis R. F. Effects of Vertical Mobility and Status Inconsistency: a Body of Negative Evidence // *American Sociological Review*. 1972. Vol. 37.
2. Wuggenig U. A Dving Theory? A Critical Assessment of Some Aspects of Status Inconsistency Research // *Status Inconsistency in Modern Societies* / Ed. by H. Strasser, R. Hodgee. Duisburg: Verlag der Sozialwissenschaftlichen Kooperative, 1986.
3. Lenski G. Status Crystallization: A Non-Vertical Dimension of Social Status // *American Sociological Review*. 1954. Vol. 19.
4. Брум Л. Социальная дифференциация и стратификация // *Социология сегодня*. М.: Прогресс, 1965.
5. Nelson E. E. Status Inconsistency: Its Objective and Subjective Components // *The Sociological Quarterly*. 1973. Vol. 14.

6. Starnes C. E., Singleton R. Objective and Subjective Status Inconsistency: a Search for Empirical Correspondence // The Sociological Quarterly. 1977. Vol. 18.

7. Саблина С. Статусная рассогласованность в постсоветский период // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1999.

8. Goffman I. Status Consistency and Preference for Change in Power Distribution // American Sociological Review. 1957. Vol. 22.

5.2. Основные процедуры анализа эффектов статусной рассогласованности

По мнению аналитиков, методы изучения эффектов статусной неконсистентности делятся на две группы:

- метод «сравнения сумм» и его модификации;
- регрессионный анализ.

Первая более простая группа процедур основана на анализе таблиц сопряженности. Метод «сравнения сумм» впервые описан Г. Ленским в работе «Статусная неконсистентность и голосование: четыре национальных проверки» [1]. Автор изучал влияние несоответствий между аскриптивным (религиозная принадлежность) и достигнутым (профессия) статусом на склонность их носителей к либерализму. Эффекты анализировались с помощью таблиц, в которых нашло отражение совместное распределение дихотомических статусных переменных (табл. 7).

Таблица 7

Схема распределения статусных переменных
в исследовании Г. Ленского [1]

	Протестанты	Католики
Средний класс	Соответствует (a)	Не соответствует (b)
Рабочий класс	Не соответствует (c)	Соответствует (d)

Метод основан на сравнении двух сумм: $S1 = a + d$ и $S2 = b + c$. Если $S1 = S2$, то эффекты статусных рассогласований отсутствуют. Если $S1 < S2$, то возможно проявление склонности неконсистентов к либерализму.

Использование процедуры в исследованиях по данной проблематике, как правило, не опровергало гипотезы о наличии эффектов статусных несоответствий. Однако критики метода обращали внимание на проблему достоверности результатов, так как он не позволял отделять «чистый эффект» неконсистентности от влияния статусных переменных. В некоторых случаях обнаруженная связь была обусловлена в большей степени рангами характеристик, а не рассогласованиями между ними.

К первой группе методов относится анализ связи переменных с использованием критерия хи-квадрат. Его применение в эмпирических исследованиях приводило к весьма позитивным результатам в контексте основного утверждения концепции [2]. Критерий был пригоден в тех случаях, когда требовалось проверить только наличие связи, так как он не позволяет оценить ни ее силу, ни направление.

Следствие недостатков первой группы методических процедур, а также привлекательность идеи регрессионного анализа для изучения «чистых эффектов» – распространение данной техники в исследованиях статусной неконсистентности.

Х. Блэлок и О. Данкан впервые обосновали возможность использования линейной аддитивной модели для анализа этой проблемы [3, 4]. В случае двух статусных переменных уравнение регрессии выглядело следующим образом:

$$Y = \beta_1 \cdot X_1 + \beta_2 \cdot X_2 + \beta_3 \cdot (X_1 - X_2) + \varepsilon, \quad (1)$$

где X_1 и X_2 – независимые переменные, измерители статусных характеристик, $(X_1 - X_2)$ – измеритель статусной неконсистентности, Y – зависимая переменная.

По мнению авторов, эта модель позволяла оценить «чистый эффект» рассогласований, поскольку β -коэффициент при измерителе $(X_1 - X_2)$ показывал вклад данного параметра в дифференциацию зависимой переменной при контроле за влиянием статусных переменных. Строго говоря, вывод о наличии эффекта делался на основе сравнения двух уравнений регрессии (1) и (2):

$$Y = \beta_1 \cdot X_1 + \beta_2 \cdot X_2 + \varepsilon. \quad (2)$$

Первоначально определялся аддитивный (суммарный, совместный) эффект двух статусных переменных X1 и X2 на основе уравнения (2). Уравнение (1) позволяло измерить кроме того неаддитивный эффект, обусловленный влиянием на зависимую переменную соотношения статусов. Изменение коэффициентов детерминации (доли объясненной дисперсии) при переходе от одного уравнения к другому указывало на наличие искомых эффектов.

Линейная аддитивная модель активно использовалась американскими социологами в первые десятилетия существования концепции. Обнаруженные ими результаты по-прежнему характеризовались неоднозначностью и противоречивостью [5, 6] на фоне преобладания негативных оценок. Так, Э. Джэксон и Р. Кетис, проведя 2604 проверки, обнаружили статистически значимое влияние только в 12 % случаев [7].

Д. Трейман анализировал влияние несоответствий между доходом и образованием представителей белого населения США на их предрассудки по отношению к неграм. Идея исследования заключалась в сопоставлении действительных оценок (индекс предрассудка), зафиксированных на массиве опрошенных, с предсказаниями линейной аддитивной модели. Сравнивая таблицы, в одной из которой были представлены распределения действительных оценок, в другой – значений, предсказанных уравнением регрессии, автор сделал вывод об отсутствии искомых эффектов (значения фактически совпадали). Особый интерес представляли респонденты с высокой степенью статусных несоответствий, в отношении которых также не было замечено систематических отклонений в оценках (табл. 8).

Таблица 8

Схема анализа эффектов неконсистентности
в исследовании Д. Треймана [5]

Уровень образования	Уровень дохода			
	Высший	Выше среднего	Ниже среднего	Низший
Высший	11	12	13	14
Выше среднего	21	22	23	24
Ниже среднего	31	32	33	34

Низший	41	42	43	44
--------	----	----	----	----

Некоторые исследователи пытались модифицировать линейную аддитивную модель, описанную Х. Блэлоком и О. Данканом. Так, Х. Тейлор предложил рассматривать в качестве самостоятельных независимых переменных, с одной стороны, степень неконсистентности, с другой – ее направление [8].

Неоднозначные и противоречивые результаты, полученные при использовании более сложных и совершенных техник анализа, привели некоторых исследователей к выводу о неперспективности дальнейшего развития концепции. В 1975 г. К. Хоуп предпринял попытку ее реабилитации, предложив оригинальную модель регрессии для анализа эффектов, получившую название «модель ромба» (diamond model) [9].

Автор критически относился к линейной аддитивной модели и ее модификациям, так как она не позволяла использовать все возможности регрессионного анализа для изучения данной проблемы. Измеритель статусной неконсистентности, включаемый в уравнение в качестве независимой переменной, представлял собой, как правило, линейную комбинацию измерителей статусов. Фактически обнаруживаемый эффект рассогласований не является «чистым», так как включает влияние на зависимую переменную рангов характеристик как таковых. Кроме того, мультиколлинеарность не позволяет анализировать β -коэффициенты, что существенно ограничивает исследование.

С целью преодоления этих недостатков Хоуп разработал «модель ромба», в которой нашла отражение идея Ленского об ортогональности рассматриваемых параметров – статусных характеристик и несоответствий между ними. Основоположник концепции ввел в рассмотрение «невертикальную» ось социального пространства для измерения неконсистентности в противовес вертикальной оси, отражающей дифференциацию статусных переменных.

«Модель ромба» трансформирует исходные переменные X_1 и X_2 в две ортогональные: общего статуса Z_1 и статусной неконсистентности Z_2 :

$$Y = \beta_1 \cdot Z_1 + \beta_2 \cdot Z_2 + \varepsilon. \quad (3)$$

В случае соизмеримых шкал статусных переменных уравнение имеет вид:

$$Y = \beta_1 \cdot (X_1 + X_2) + \beta_2 \cdot (X_1 - X_2) + \varepsilon. \quad (4)$$

В последнем уравнении происходит ротация оси X на 135° , так что прямая $X_1 = X_2$ становится новой осью Z1, а прямая $X_1 = -X_2$ преобразуется в ось Z2. В результате ротации данные в пространстве располагаются в виде ромба (см. табл. 9, 10).

Таблица 9

Схема линейной аддитивной модели
в пространстве двух статусов

Статус А	Статус В		
	Низкий (0)	Средний (1)	Высокий (2)
Низкий (0)	a	b	C
Средний (1)	d	e	F
Высокий (2)	g	h	I

Таблица 10

Схема «модели ромба» в пространстве двух статусов

Статус (А + В)	Неконсистентность (А – В)				
	(2)	(1)	(0)	(-1)	(-2)
Низкий (0)			a		
(1)		d		b	
(2)	g		e		C
(3)		h		f	
Высокий (4)			i		

Модель Хоупа подвергалась критике за одномерность подхода к анализу стратификации [10, с. 53]. Новая переменная Z1, полученная в результате преобразования исходных параметров, отражала совместное влияние измерений статуса и фактически нивелировала независимый вклад каждой из них (эффект процедуры суммирования рангов).

Подход Хоупа получил широкое распространение в современных исследованиях по данной проблематике. Использование «модели ромба» при изучении эффектов статусной неконсистентности в посткоммунистических странах Восточной Европы обычно не опровергал основное утверждение концепции [11, 12].

Литература

1. Lenski G. Status Inconsistency and the Vote: a Four National Test // *American Sociological Review*. 1967. Vol. 32.
2. Chiricos T. G., Pearson M. A., Fendrich J. M. Status Inconsistency, Militancy and Black Identification Among Black Veterans // *Social Science Quarterly*. 1970. Vol. 51.
3. Blalock H. M., Jr. The Identification Problem and Theory Building: The Case of Status Inconsistency // *American Sociological Review*. 1966. Vol. 31.
4. Duncan O. D. Methodological Issues in the Analysis of Social Mobility // *Social Structure and Mobility in Economic Development* / Ed. by N. J. Smelser, S. M. Lipset Chicago: Aldine. 1966.
5. Treiman D. J. Status Discrepancy and Prejudice // *American Journal of Sociology*. 1965–66. Vol. 71.
6. Jackson E. F., Burke P. J. Status and Symptoms of Stress: Additive and Interaction Effects // *American Sociological Review*. 1965. Vol. 30.
7. Jackson E. F., Curtis R. F. Effects of Vertical Mobility and Status Inconsistency: a Body of Negative Evidence // *American Sociological Review*. 1972. Vol. 37.
8. Taylor H. F. Linear Models of Consistency: Some Extensions of Blalock's Strategy // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78.
9. Hope K. Vertical and Nonvertical Class Mobility in Three Countries // *American Sociological Review*. 1982. Vol. 47.
10. Zimmermann E. «Bringing Common Sense Back In»: Some Neglected Assumptions In Status Inconsistency Theory and Research // *Archives Europeennes de Sociologie*. 1978. Vol. 19.
11. Slomczynski K. M. Class and Status in East-European Perspective // *The Transformation of Europe. Social Conditions and Consequences*. Warsaw: IFiS Publishers, 1994.
12. Slomczynski K. M. Formation of Class Structure under Conditions of Radical Social Change: An East European Experience // *The Kalamari Union: Middle Class in East and West* / Ed. by M. Kivinen. Ashgate. 1998.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ТЕМА 1. ВВЕДЕНИЕ. АКТУАЛЬНОСТЬ И СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СТАТУСНЫХ РАССОГЛАСОВАНИЙ В РОССИИ	4
ТЕМА 2. КОНЦЕПЦИЯ СТАТУСНЫХ РАССОГЛАСОВАНИЙ: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ИХ РАЗВИТИЕ В РАБОТАХ АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В 50–70-е гг. 20-го века ..8	
2.1. Теоретические истоки, основные положения, методологические предпосылки анализа	8
2.2. Представления Г. Ленского о статусной неконсистентности	14
2.3. Развитие идей Г. Ленского в работах американских исследователей в 50-70-е гг.	16
ТЕМА 3. ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ СТАТУСНОЙ НЕКОНСИСТЕНТНОСТИ.....	23
3.1. Жизненный цикл концепции и идентификация основных направлений.....	23
3.2. Традиции анализа статусной неконсистентности и основные версии концепции	27
3.3. Макро- и микроуровень анализа статусных несоответствий	32
ТЕМА 4. РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ В РАБОТАХ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	40
ТЕМА 5. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СТАТУСНЫХ РАССОГЛАСОВАНИЙ И ИХ ЭФФЕКТОВ.....	47
5.1. Основные способы идентификации статусной неконсистентности	47
5.2. Основные процедуры анализа эффектов статусной рассогласованности	53